

**РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
ФРАНЦУЗСКОЙ: ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ
РЕВОЛЮЦИОННОГО КРИЗИСА 1917 г.
ВОЕННЫМИ И ДИПЛОМАТИЧЕСКИМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ
ТРЕТЬЕЙ РЕСПУБЛИКИ**

В статье с опорой на французские архивные и опубликованные документы предпринят анализ того влияния, которое на французские оценки событий 1917 г. оказывала аналогия в виде сопоставления начавшейся Российской революции и Французской революции 1789–1799 гг. Автор приходит к выводу о том, что образ Французской революции для целого ряда представителей Третьей Республики был «концептуальной линзой», через которую они рассматривали события 1917 г. Указанная аналогия не затмевала ключевых стратегических целей, которыми руководствовались французские дипломаты и военные — обеспечить продолжение участия России в Первой мировой войне. Однако сопоставление двух революций служило важным ориентиром для восприятия, анализа и прогнозирования стремительно менявшейся обстановки. Как отношение к самим событиям 1789–1799 гг., Революция в России усилила раскол на правых и левых среди французских наблюдателей. Если аналогии с Французской революцией должны были облегчить понимание российской ситуации 1917 г., то по мере развития революционных событий они все чаще отражали иной аспект — этноцентризм ряда французских оценок. Российская революция «должна» была развиваться по рецептам Французской, а французские представители — выступить пропагандистами и «наставниками» молодой Республики.

Ключевые слова: Франция; Российская революция; 1917; образ Другого; исторические аналогии.

Восприятие и оценки революционных событий в России в 1917 г. французскими современниками стали предметом разнообразных исследований в новейшей российской историографии. Были изучены различные аспекты указанной проблематики: от общих характеристик и основных черт бытовавших оценок [2; 3; 4; 21] до особенностей восприятия революционного кризиса отдельными дипломатами и членами многочисленной французской воен-

ной миссии [1; 6; 7; 9; 15; 17]. Подобный интерес, помимо самой ситуации Столетия Российской революции, в ходе которого также появились новые исследования по британским или немецким отзывам на события 1917 г. [13; 22; 25], можно объяснить расширившимся доступом российских историков к зарубежным (в данном случае — французским) архивам [27]. При этом сама проблематика французского отклика на Российскую революцию не была абсолютно новой. Она подверглась анализу советскими авторами, не имевшими, однако, как правило, доступа к французским архивным материалам и действовавшими в достаточно жестких идеологических рамках [28], а также иностранными (прежде всего, французскими) исследователями [31, р. 179–222; 32; 33; 34; 35].

Учитывая текущее состояние историографии вопроса, представляется уместным перейти от экстенсивного пути развития исследований к более детальному, интенсивному изучению отдельных аспектов французского восприятия событий 1917 г. Подобное смещение акцентов, как представляется, позволит углубить понимание ряда проблем, в т.ч. вызовов сотрудничества Франции и России в годы Первой мировой войны, а также закономерностей «русской политики» Парижа в различные периоды истории.

Цель статьи — определить влияние, которое на французские оценки событий 1917 г. оказывало сопоставление начавшейся Российской революции и Французской революции 1789–1799 гг. В сферу авторского анализа включены, главным образом, оценки, которые делали дипломатические и военные представители Третьей Республики в России, а также влиятельные эмиссары, приезжавшие со специальными миссиями, прежде всего — министр вооружений, социалист А. Тома, посетивший Россию в апреле–июне 1917 г. [5; 26].

Исследования отечественных авторов, сравнивавших Российскую и Французскую революции, были преимущественно посвящены проблемам макроистории и компаративного осмысления фундаментального значения 1917 и 1789 г. [8; 14]. Вместе с тем сопоставление двух революций было важно не только для исследователей и интеллектуалов-современников [12; 16], но и для непосредственных участников событий 1917 г. — французских дипломатов и военных в центре и на местах.

Источниковую базу статьи составили материалы Дипломатического архива Министерства Европы и иностранных дел Франции [Archives du Ministère des Affaires étrangères (АМАЭ). Correspondence politique et commerciale. Guerre 1914–1918, Russie (1 CPCOM 658); АМАЭ. Correspondence politique et commerciale. Série C: Administrative (27 CPCOM 619); АМАЭ. Papiers Paléologue (133 РААР 4)], Национального архива Франции [Archives Nationales (AN). Papiers Pétain. 415 Archives privées (AP) 5], опубликованные донесения, мемуары и дневники французских дипломатов и военных [19; 20; 37–44].

К 1917 г. восприятие Французской революции как своего рода «зеркала» революции в России уже имело свою историю. Характеризуя настроения той части российской интеллигенции второй половины XIX — начала XX вв., которая жила в ожидании преобразований в России, отечественный франковед А. В. Чудинов писал о «своеобразном культе» Великой французской революции в Российской империи [30, с. 13]. Подобные тенденции были усилены затем ввиду ориентации большевиков на французских монтаньяров (якобинцев) и восприятия Французской революции как своего рода «модели» для Октябрьской [11]. Топос продолжил существование в советской историографии в виде сопоставления двух «Великих революций» — Французской буржуазной и Октябрьской социалистической [28].

Для французских дипломатов и военных, находившихся в России в 1917 г., использование указанного сравнения преследовало более практические цели, хотя оно также не было лишено, как правило, идеологического компонента. Стремительное и малопредсказуемое развитие революционного процесса усилило потребность в неких ориентирах, в качестве которых нередко использовались исторические аналогии. Отношение к этим аналогиям зависело от политической позиции того или иного французского представителя и имело тенденцию к разделению по линии правые–левые.

Французские левые, сравнивая Российскую революцию с Французской, надеялись на появление в России «революционного патриотизма» якобинского образца. Отречение Николая II

избавило левых политиков Третьей Республики от некомфортной ситуации альянса с монархическим и авторитарным режимом, а также позволило активнее разыгрывать карту демократической солидарности стран Антанты, противопоставленных «тираниям» Центральных держав.

23 апреля 1917 г.¹, после встречи с министрами Временного правительства, Тома на страницах дневника так суммировал свою позицию: «Я настаиваю на новом альянсе. Правительство [Французской] Республики всегда приветствовало первую российскую Республику. Внутренние страдания французских республиканцев прекратились...» [38, р. 96]. Однако французские правые, доминировавшие среди представителей Третьей Республики в России, были настроены менее оптимистично.

Подобные разногласия отразились во взаимодействии Тома с французским послом М. Палеологом. 27 апреля министр-социалист говорил Палеологу: «В общем, нас разделяет то, что в Вас нет веры в могущество революционных сил, тогда как я абсолютно в них верю» [19, с. 443]. С точки зрения посла, «уроки» Французской революции способствовали не оптимизму, а служили тревожным предзнаменованием того, что может произойти в России. 20 марта 1917 г. Палеолог сообщал в Париж: «Крайне левые партии считают, что “гражданин Николай Романов и его супруга Александра” затягивают свое пребывание в России; они обвиняют их в секретных приготовлениях по реставрации авторитаризма, в заговоре с умеренными министрами [Временного правительства] и с императором Германии. Это тот дух, который господствовал во Франции после возвращения из Варенна» [АМАЁ. 133 РААР 4. F. 199]. Палеолог намекал на то, что Николай II может ожидать та же судьба, что и Людовика XVI. Пресечение попытки бегства в местечке Варенн в ночь на 22 июня 1791 г. изменило отношение революционных сил к монарху [Paléologue à Paris, 24 mars 1917 // АМАЁ. 27 СРСОМ 619. F. 106]. Таким образом, если проведению исторических аналогий не были чужды ни французские левые, ни правые, то выводы, которые они делали из них, были противоположны.

¹ Здесь и далее даты приводятся по григорианскому календарю.

Идея о том, что падение монархии воодушевит массы российского населения и армию, которые отныне будут сражаться не за императора, а за собственную свободу, была дорога социалистам Третьей Республики. Прежде всего, речь шла о Тома и ряде его эмиссаров, занимавших в России важные посты, в т. ч. о представителе французского министерства вооружений в Петрограде Э. Пети и члене французской военной миссии капитане Ж. Садуле, позднее перешедшем на сторону советской власти.

Дневник, который Тома вел во время миссии в Россию, фиксировал его воодушевление по поводу революционных событий. Выступая 20 мая перед собранием офицеров в Москве, министр апеллировал к примерам из истории Французской революции, призывая офицерский состав пересмотреть свое отношение к солдатам, сделать армию более демократичной [38, р. 153]. Министру вторили другие французские деятели. 20 марта Пети в докладе, адресованном Тома, полагал, что Российская революция вызовет патриотический подъем и вдохнет «в нацию энтузиазм новой свободы» [36, р. 39]. Схожей позиции придерживался член военной миссии, славист, лейтенант Ж. Легра. 12 мая он передал Тома свои впечатления от увиденного в 1-м Сибирском корпусе. Легра с воодушевлением сообщал о «новом духе, напоминающем тот, что царил в наших революционных комитетах» [45, р. 493]. Даже 15 ноября Садуль продолжал заверять Тома в том, что «наше ... дело связано с Русской революцией, и только с ней». Тем не менее он не верил тогда в «революционный энтузиазм» войск, в возможность поднять который его убеждал председатель Петросовета и нарком иностранных дел Л. Д. Троцкий [24, с. 15, 37, 58].

Сравнению двух революций, дорогому для французских левых, стремились подыграть не только большевики после Октября. К схожим приемам уже после отречения Николая II прибегали члены Временного правительства. Пересказывая речь военного и морского министра А. И. Гучкова, произнесенную 21 марта перед представителями военной промышленности, Палеолог передавал в Париж такие слова: «Наш новый режим, основанный на свободе и правосудии, может быть укреплен лишь при условии, что война будет доведена до победного конца. Необходимо уничтожить ци-

тадель реакции и тирании, которой всегда являлась прусская монархия» [АМАЕ. 133 РААР 4. Ф. 200]. Во время встречи с Тома, состоявшейся 23 апреля, министр иностранных дел П. Н. Милюков, вообще-то недолюбливавший французского министра за его поддержку эсеров, вербально поддержал идею о новой идеологической близости России и Франции: «Он вспомнил, с какими эмоциями впервые слушал “Марсельезу” в Москве, когда союз был только заключен» [38, р. 96]. Исполнение «Рабочей Марсельезы» в качестве гимна России после 15 марта лишь усиливало подобные коннотации.

Однако французские правые стремились остудить надежды Тома. С их точки зрения, революционный энтузиазм был ширмой, скрывавшей усталость российского общества от войны и неэффективность государственной машины. В группу скептиков можно включить Палеолога, большинство офицеров военной миссии, а также различных представителей французской колонии в Петрограде. Как говорил Тома долго живший в России инженер П. Эзар, не стоит «предвидеть возможности развития в России патриотизма на европейский манер. Чувства национального единства не существует» [38, р. 113]. На страницах мемуаров французский дипломат Ж. Нуланс, сменивший Палеолога в качестве посла в июле, писал об «иллюзии», которую французские социалисты, с его точки зрения, сознательно внедряли в общественное мнение Третьей Республики, сопоставляя 1917 г. и патриотический подъем 1792 г. во Франции [42, р. 3].

Французские левые рассчитывали не только на революционный энтузиазм, но и на повышение эффективности российской государственной машины после Февраля. Тома и его сторонники надеялись, что идеологически близкие им эсеры, чьи позиции во власти укрепились, сыграют роль российских якобинцев. После завершения Апрельского кризиса и вхождения эсеров и меньшевиков во Временное правительство Тома в телеграмме от 5 мая, отправленной в Париж, считал, что правительство стало «более сильным и способно продемонстрировать свой авторитет» [38, р. 133]. Обрадованный приподнятой атмосферой в Киеве, который он посетил 24 мая, Тома отметил в дневнике, что «ярый энтузиазм»

сопровождал приезд в город А. Ф. Керенского, недавно назначенного военным и морским министром [38, р. 159]. Схожий настрой присутствовал в итоговой телеграмме Тома по результатам поездки в Россию. В этом сообщении, датированном 14 июня, вместе с тем присутствовала тревога: «... желание мира в русском народе имеет глубинный характер... Революционеры правы в том, что революция была направлена не только против царя, но и против войны» [38, р. 185].

Французские правые, не верившие в революционный энтузиазм, также использовали сопоставление с французскими якобинцами. В российских претендентах на эту роль они стремились найти «сильную руку», которая наведет «порядок» и остановит нарастающую «анархию» в стране. Часть подобных оценок пересекалась с суждениями Тома.

Роль Сен-Жюста Российской революции Керенскому прочили Палеолог [38, р. 89], а также глава французской военной миссии генерал М. Жанен [37, р. 182]. Сам Керенский стремился подыграть подобным аналогиям. 24 мая он убеждал Тома в том, что, проезжая недавно через Ревель (Таллин), ему довелось наблюдать «патриотизм, напоминавший тот, что существовал [во Франции] в 1792 г.» [38, р. 102].

Во французской прессе летом 1917 г. фигурировала аллюзия и на другого создателя французской революционной армии, Л. Карно, аналог которого искали в России. К августу французские наблюдатели, однако, все больше дистанцировались от подобных похвальных сравнений. В резюме телеграмм французских дипломатических и военных представителей в России за 22 августа-2 сентября упоминалось о «наших военных корреспондентах, считающих преувеличением именование Керенского “Карно” России, ибо он не обладает достаточной силой и независимостью, снижается и [его] популярность» [23, с. 11]. Схожее разочарование постигло Жанена [37, р. 196].

Сопоставление якобинцев и большевиков, к которому прибегал В. И. Ленин и его товарищи, безусловно, отвергалось большинством французских представителей. Большевики являлись для основной части дипломатов и военных Третьей Республики не теми,

кто организует страну для «революционной войны» против Германии, а, напротив, «максималистами» и «пацифистами», подрывавшими тыл и фронт, состоявшими, как считали многие, в связях с Берлином.

Французский военный представитель при российском Западном фронте полковник Э. Рампон уже в середине апреля называл Ленина «нашим самым главным врагом»: «Необходимо подкупить его либо сбросить путем государственного переворота», — тако-вы были нехитрые рекомендации французского полковника, выраженные в письме главнокомандующему французской армией генералу А. Ф. Петену [Rampont à Pétain, 14 juillet 1917 // AN, 415 AP 5]. Суммируя свои впечатления от провала Июньского наступления на Восточном фронте, Рампон считал символом ускорившегося развала российской армии «учеников Ленина» — раненых в левую руку солдат, что могло свидетельствовать о самострелах [Rampont à Pétain, 1 août 1917 // AN, 415 AP 5]. Французский военный атташе полковник А. Лавернь, обрисовавший в докладе от 24 мая плачевное морально-психологическое состояние российской армии, также подчеркнул влияние «интенсивной пацифистской пропаганды сторонников Ленина» [33, р. 379]. Садуль, готовый увидеть в большевиках новых якобинцев, находился в явном меньшинстве [24, с. 42, 92].

На протяжении 1917 г. противоречия наблюдались не только между французскими представлениями о якобинстве и российскими реалиями. Амбивалентность во французских оценках отражала также нюансы отношения к самой революции 1789–1799 гг. Реже упоминавшейся, но латентно присутствовавший образ террора не вызывал столь позитивных коннотаций как другие элементы якобинского периода революции. 31 июля, фиксируя доходившие до него настроения, член французской военной миссии, лейтенант П. Паскаль записал в дневнике: «По-прежнему проповедуются решительные средства в духе Дантона: думаю, это очень рискованно» [20, с. 313]. 5 декабря Троцкий стремился заверить Садуля, что призывы к насилию исходят, скорее, снизу, чем сверху. Говоря о большевистском отношении к оппозиции, нарком иностранных дел (в пересказе Садуля) напрямую использовал метафоры,

отсылавшие к опыту Французской революции: «Кадеты и оборонцы сошлись с российскими контрреволюционными силами (казаки, Рада и т. д.)... если необходимо, против них будет начат процесс, подобный тому, который вели монтаньяры против жирондистов. Кадеты и оборонцы стараются использовать в контрреволюционных целях национальные движения, до того поддерживаемые большевиками, подобно тому, как в свое время жирондисты заложили основы и использовали сепаратизм в Нормандии, Вандее и т. д.». Троцкий, возможно, подыгрывая настроениям собеседника, хотел указать Садулю на риски начала подобного процесса: «Он опасается, что массы пойдут по этому пути с чрезмерным энтузиазмом, и тем самым будет положено начало террору» [24, с. 106].

Неоднозначным было отношение и к другому напрашивавшемуся сравнению между Петросоветом и Парижской коммуной (органом городского самоуправления) в годы Французской революции. Член Французского института в Петрограде славист Р. Лабри, «враг большевизма всеми фибрами своей души» [43, р. 132], критиковал позицию Тома. С точки зрения Лабри, министр-социалист отдавал предпочтение Совету рабочих и солдатских депутатов как «прочному элементу революции» и полагал, что «парламентаризм, за который ратует Милюков, иссохнет на русской почве как дерево без корней» [39, р. 83]. Консервативно настроенный Нуланс в своих мемуарах расставлял акценты противоположным образом. Он считал, что Российская революция пошла по сценарию 1793 г. — «грустной истории Парижской коммуны, навязавшей свою волю Конвенту неконституционными действиями» [42, р. 5]. В телеграмме от 9 ноября Нуланс уделит внимание органу с характерным названием — Комитету общественного спасения. По данным Нуланса, Комитет был сформирован в Петрограде представителями партий и движений, оппозиционных большевикам. Посол рассчитывал, что этому органу удастся привлечь гарнизон на свою сторону и выбить большевиков из города [АМАЁ. 1 СРСОМ 658. F. 100]. Таким образом, несмотря на утвердившиеся позднее аналогии между большевиками и якобинцами, доминировавший во французских оценках образ большевиков был далек от французских представлений о монтаньярах.

Несмотря на идеологические разногласия, различные представители Третьей Республики были едины в желании обеспечить продолжение участия России в войне. Как Тома, так и его оппоненты отдавали приоритет стратегическим интересам самой Франции, которая была жизненно заинтересована в существовании Восточного фронта, оттягивавшего значительную часть германских и австро-венгерских сил. По французским данным, на 8 апреля на Западном фронте насчитывалось 149 дивизий противника, на Российском и Румынском фронтах — 126 ½ дивизий [40, р. 696].

Весной 1917 г. для Тома и его сподвижников представления о готовившемся наступлении российской армии были окрашены в тона 1792 г. и сражения при Вальми, когда французским революционным войскам удалось остановить продвижение прусских сил. Многие французские военные, стоявшие значительно правее в идеологическом отношении, чем министр-социалист, чувались подобных аналогий. Однако они преследовали ту же цель, что и Тома — стимулировать российские власти к проведению наступательных операций. Главнокомандующий французской армией генерал Р. Нивель в телеграмме Жанену от 21 марта [40, р. 159], а также глава французской военной миссии при румынской армии генерал А. Бертело, как свидетельствовало его донесение в Париж от 19 апреля [41, р. 104], пытались убедить российское командование в благоприятном эффекте от грядущего наступления. Они хотели убедить российских военных в том, что наступательные действия позволят сплотить личный состав, восстановить дисциплину и не допустить распада армии.

Сопоставление Французской и Российской революций имело еще одно немаловажное проявление. Как отмечала французский историк С. Кёре, «аналогия с Французской революцией — фундаментальным отправным пунктом для Республики — одновременно была формой похвалы и резонансом для того, чтобы сделать Францию советницей молодой России» [32, р. 26].

Примечательными в этом смысле были формулировки одного из сочинений крупного историка Французской революции, профессора Сорбонны А. Олара. На страницах своих трудов, написанных еще до Первой мировой войны, Олар не только стремился

к «исторической правде», но и отстаивал «политические ценности 1789 г., начертанные на знамени Третьей республики» [30, с. 132]. Изначальная политизация темы Французской революции продолжала сказываться в сочинениях Олара периода войны, когда он занимал ряд постов в государственных ведомствах и стремился внести посильный вклад в победу. Одним из примеров этих усилий информационно-пропагандистского характера стало его письмо «к гражданам свободной России», переведенное на русский язык и опубликованное в 1917 г.

Письмо было проникнуто идеей близости двух революций: «Наш народ любит и чтит ваш народ, совершивший одну из самых прекрасных и самых великих революций, какие только пережил мир; революцию, которая, по своей красоте и величию, не уступит американской и Французской Революциям конца XVIII столетия» [29, с. 4]. Однако в письме была заметна не только солидарность с Российской революцией, но и стремление выступить наставником: «Воспользовавшись нашим опытом, вы не шли, подобно нам, ощупью, у вас не было наших колебаний, ни наших противоречий, ни наших промедлений... Французская Революция, послужившая примером для вашей, Французская Революция, историю которой так прекрасно знают избранные вами вожди, призывает вас не к малодушной, бесплодной умеренности, а к мощному, плодотворному действию» [29, с. 4].

Элементы наставничества хорошо отразились не только в самом представлении о Французской революции как образце для Российской. Они дали о себе знать в активной пропагандистской деятельности, которую представители Третьей Республики вели на местах, в том числе опираясь на примеры из истории Франции [18].

Ставка на пропаганду в российской армии как на средство укрепить морально-психологическое состояние последней была характерна для многих французских деятелей. Тома говорил о том, что «посредством митингов Россия мало-помалу обретает политическое воспитание» [20, с. 255]. Схожие надежды присутствовали среди членов французской военной миссии, придававших серьезное значение заказу и своевременной доставке пропагандистских материалов из Парижа [41, р. 756].

Показательным примером «наставнической» пропаганды с использованием образов Французской революции был демарш Жанена от 26 июля. Как записал в дневнике Паскаль, «генерал явился к министру [Керенскому], чтобы дать пример [из] Французской революции. Он подготовил на пятнадцати страницах сборник приказов той революции. Он только что опубликовал некоторые из них в “Биржовке” (“Биржевых ведомостях”)...» [20, с. 296–297]. Документы, раскрывавшие деятельность французских военных деятелей 1790-х гг. (Л. Л. Гоша, Л. А. Сен-Жюста и др.), которые продемонстрировали «твердость руки», были затребованы Жаненом из Парижа еще в апреле [37, р. 136].

Реальный эффект французской пропаганды оставался далек от ожиданий. Об этом свидетельствовал не только факт продолжавшейся дезинтеграции российской армии, но и некоторые французские оценки [20, с. 174]. По мере разочарования в революционных процессах в России похвальные аналогии с Французской революцией все чаще уступали место более традиционным представлениям и стереотипам. За идеями о «шефстве» держав Антанты над Россией стояли не только объективные факты и разочарование в былых надеждах, но и определенные культурно-психологические стереотипы, а также чувство собственного превосходства, ухивившие корнями глубже в историю. Американский исследователь И. Синаноглу справедливо писал о «сильных националистических тонах», в которые были окрашены французские оценки ситуации в России в 1917 г. [45, р. 485].

Французский военачальник, генерал Н.Э. де Кастельно, характеризуя в докладе от 5 июня состояние российских соединений на французском Западном фронте, которые он хотел отправить на Родину, писал о том, что «всякий возврат к военной дисциплине и стремление к полезной деятельности исчезли из сердца и души русского солдата. Имея восточное воображение, он ошеломлен тем, что знает или предполагает относительно революции, произошедшей в его далекой стране» [41, р. 727]. Даже Тома или симпатизировавший большевикам Садуль не были чужды подобных ориенталистских стереотипов. Упоминания об «эффекте расы», об «этническом безволии», о чрезмерной «эмоциональности»

и слабой способности к рациональному мышлению нередко встречались и у них [24, с. 18, 139; 38, р. 178]. На этом фоне Паскаль, позднее перешедший на сторону большевиков, был одним из редких людей, призывавших к самокритике: «В сущности, русским всегда ставят в упрек то, что они не французы. Мы на все смотрим с точки зрения Франции» [20, с. 89]. Для Паскаля революционные события 1917 г. не были лишь бледной копией Французской революции, но, возможно, чем-то большим: «Русская революция, какой бы ни оказалась возможная последующая реакция, будет иметь столь же огромное эхо, как революция 1789 г. и даже много более великое...», — записал он в дневнике 26 декабря 1917 г. [20, с. 421]

Подведем основные итоги. Образ Французской революции для целого ряда представителей Третьей Республики был «концептуальной линзой», через которую они рассматривали события в России в 1917 г. Указанная аналогия не затмевала ключевых стратегических целей, которыми руководствовались французские дипломаты и военные — обеспечить продолжение участия России в войне. Однако сопоставление двух революций служило ориентиром для восприятия, анализа и прогнозирования стремительно менявшейся обстановки. Революция в России, как и отношение к самим событиям 1789–1799 гг. в свое время, усилила раскол на правых и левых среди французских наблюдателей.

Левые деятели во главе с Тома с большим энтузиазмом восприняли свержение Романовых и, опираясь на примеры из французских Революционных войн, надеялись на активизацию военных действий на Восточном фронте. Точка зрения правых, настроенных более скептически, постепенно брала вверх и становилась общепризнанной, особенно — после прихода большевиков к власти и распада «Священного единения» в самой Франции. Во внутренней записке Кэ д'Орсэ от 1 октября 1917 г., суммировавший официальную позицию Парижа, подчеркивалось: «Революционная “свобода” сразу обернулась тотальной разнузданностью» [АМАЕ. 1 СРСОМ 658. F. 221]. В июне 1919 г. Л. де Робьен, бывший атташе французского посольства в Петрограде и автор колоритных рисунков, запечатлевших атмосферу революционных дней, считал, что проведение аналогий между Российской и Французской революциями

наивно. Вспоминая об обстановке в Петрограде в первые дни после Февраля, французский дипломат писал об «одном бравом мужике» (*mon jik*), говорившем ему: «В конце концов, народ победил, и у нас все будет как во Франции», — «Но, — сказал я ему — знаешь ли ты, как обстоят дела во Франции?» — «Да, конечно, у всех есть деньги и все гуляют целыми днями». Наивность народа можно было сравнить только с наивностью тех, кто претендовал на управление им» [43, р. 417].

Если аналогия с Французской революцией должна была облегчить понимание российской ситуации, то по мере развития революционных событий она все чаще отражала иной аспект — этноцентризм ряда французских наблюдателей. Российская революция «должна» была разворачиваться по лекалам Французской, а представители Парижа смогли бы выступить «наставниками» молодой Республики. Растущее разочарование в том, что развитие событий пошло по другому сценарию, накладывалось на уже имевшиеся стереотипы. Это разочарование вместе со стратегическими резонами, игравшими ключевую роль, стимулировало разработку планов, напоминавших будущую интервенцию. Как ни странно, сценарий Французской революции, связанной с революционными войнами и борьбой против интервентов, по-своему повторился, но отнюдь не так, как на то изначально рассчитывали французские дипломаты и военные.

Список литературы

1. Бабинцев В. А., Галкина Ю. М. Реорганизация французского военного представительства в России: предчувствие перемен (1916–1917) // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5. № 1. С. 241–254.
2. Бодров А. В. Отклик представителей союзных держав в России на революционные события 1917 года // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения*. 2018. Т. 11. Вып. 2. С. 128–145.
3. Быстрова Н. Е. «Русский вопрос» в 1917 — начале 1920 г.: Советская Россия и великие державы. М.: ИРИ РАН, 2016. 366 с.
4. Вершинин А. А. Революция 1917 года в России глазами французских политиков // *Новая и новейшая история*. 2017. № 5. С. 126–148.

5. Вершинин А.А. Миссия Альбера Тома в революционной России (апрель–июнь 1917 г.) // Столетие Революции 1917 года в России. Ч. I / Отв. ред. И.И. Тучков. М.: Изд-во АО «РДП», 2018. С. 355–363.
6. Галкина Ю.М. Французская военная миссия в России в годы Первой мировой войны. Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург: УРФУ, 2016. 211 с.
7. Галкина Ю.М., Беспалова К.А. «Дело Садуля»: новый источник о Революции 1917 года // Французский ежегодник 2017. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 354–369.
8. Гордон А.В. Судьбы революционного наследия: Октябрьская, Февральская и Французская революции // Обозреватель–Observer. 2012. № 8. С. 92–105.
9. Данилова О.С., Слуцкая Л.В. Западный фронт Российской империи в воспоминаниях французских участников Первой мировой войны // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 16–28.
10. Зарубежная литература об Октябрьской революции / Под ред. И.И. Минца. М.: Издательство АН СССР, 1961. 306 с.
11. Кондратьева Т.С. Большевики-якобинцы и призрак Термидора. М.: Ипол, 1993. 240 с.
12. Краева Т.В. Образ революции в системе представлений французских левых интеллектуалов (1917 — сер. 30-х гг. XX в.). Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург: УРГУ, 2006. 242 с.
13. Ланник Л.В. Реакция на Русскую революцию командования германских войск на Востоке в 1917–1919 гг. // Исторические исследования, 2017. № 6. С. 54–68.
14. Леонов С.В. Великая французская и Великая Октябрьская революции: опыт сравнительного анализа // Преподавание истории в школе. 2007. № 7. С. 15–22.
15. Магадеев И.Э. Восточный фронт в 1917 году и перспективы российской армии в оценках французских военных экспертов // Новая и новейшая история. 2017. № 6. С. 29–46.
16. Начапкин М.Н. Проблема революции в оценке отечественных и зарубежных консерваторов второй половины XVIII–XX века // XX Международная конференция памяти профессора Л.Н. Кога-на «Культура, личность, общество в современном мире: Методология, опыт эмпирического исследования» (Екатеринбург, 16–18 марта 2017 г.). Екатеринбург: УРФУ, 2017. С. 2055–2072.
17. Павлов А.Ю., Гельтон Ф. В кабинетах и окопах: французские военные миссии в России в годы Первой мировой войны. СПб.: РХГА, 2019. 248 с.

18. Павлов А. Ю. Война любой ценой! Французская пропаганда в России в 1917 году // Новая и новейшая история. 2020. № 2. С. 86–95.
19. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 472 с.
20. Паскаль П. Русский дневник. Во французской военной миссии (1916–1918). Екатеринбург: Гонзо, 2014. 592 с.
21. Ревякин А. В. Франция и Россия: проблема сепаратного мира в 1917 году, или Гонки на выживание // Россия и Франция XVII–XX века. Вып. 2. М.: Наука, 1998. С. 189–216.
22. Романова Е. В. Динамика развития революционного процесса в России весной–летом 1917 года: взгляд из Великобритании // Чичеринские чтения. «Революционный 1917 год»: поиск парадигм общественно-политического развития мира. Материалы международной научной конференции, 13–15 октября 2017 г. Тамбов: ТГУ, 2018. С. 123–131.
23. Россия 1917: от Февраля к Октябрю глазами французов / Публ. О. Ф. Соловьева // Вопросы истории. 1998. № 1. С. 3–15.
24. Садуль Ж. Записки о большевистской революции. 1917–1919. М.: Книга, 1990. 400 с.
25. Сергеев Е. Ю. Октябрь 1917 г. — пролог советско-британских отношений (к 100-летию Российской революции) // Первая мировая война, Версальская система и современность: Сб. ст. / Отв. ред. И. Н. Новикова и др. СПб.: РХГА, 2017. С. 7–28.
26. Смирнов Н. Н. Визит А. Тома в Россию (апрель–июнь 1917 г.) // Россия. Век двадцатый: сб. статей к 95-летию доктора исторических наук В. М. Ковальчука. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 220–227.
27. Смирнов Н. Н. Война, революционная Россия и Франция в 1917 г.: новые источники // Новейшая история России. 2014. № 3. С. 8–12.
28. Советская историография Великой Октябрьской социалистической революции / Отв. ред. В. П. Наумов. М.: Наука, 1981. 293 с.
29. Французская революция и Русская революция. Письмо А. Олара, профессора истории французской Революции Парижского Университета к гражданам свободной России. Париж: Книгопечатня и Словолитня Левэ, 1917. 24 с.
30. Чудинов А. В. Французская революция: история и мифы. М.: Наука, 2007. 312 с.
31. Anizan A.-L. Paul Painlevé. Science et politique de la Belle Époque aux années trente. Rennes: Presses universitaires de Rennes, 2012. 464 p.
32. Coeuré S. La Grande lueur à l'Est. Les Français et l'Union soviétique (1917–1939). Rééd. Paris: CNRS Éditions, 2017. 359 p.

33. Delmas J. L'armée russe vue par les officiers français affectés en Russie 1916–1917 // Les sociétés européennes et la guerre / Sous la dir. de J.-J. Becker, S. Audoin-Rouzeau. Nanterre: Publications de l'Université de Nanterre, 1990. P. 375–383.
34. Ferro M. L'Occident devant la Révolution soviétique. Bruxelles: Éditions Complexes, 1991. 163 p.
35. Hogenhuis-Seliverstoff A. Les relations franco-soviétiques 1917–1924. Paris: Publications de la Sorbonne, 1981. 316 p.
36. Horvat S. La mission Eugène Petit en Russie de septembre 1916 à mars 1918 // Matériaux pour l'histoire de notre temps. 1995. No. 37/38. P. 38–41.
37. Janin M. En mission dans la Russie en guerre (1916–1917). Paris: Harmattan, 2015. 290 p.
38. Journal de Russie d'Albert Thomas / Publ. de I. Sinanoglou // Cahiers du monde russe et soviétique. 1973. Vol. 14. No. 1/2. P. 86–204.
39. Labry R. Autour du bolchevisme. La Roche-sur-Yon: s.n., 1921. 272 p.
40. Les armées françaises dans la Grande guerre. T. 5. Pt. 1. Annexes. Vol. 2. Paris: Imprimerie Nationale, 1932. 948 p.
41. Les armées françaises dans la Grande guerre. T. 5. Pt. 2. Annexes. Vol. 1. Paris: Imprimerie Nationale, 1937. 1144 p.
42. Noulens J. Mon ambassade en Russie soviétique, 1917–1919. T. 1. Paris: Plon, 1933. 259 p.
43. Pascal P. Raoul Labry (1880–1950) // Revue des études slaves. 1951. Vol. 28. No. 1/4. P. 129–137.
44. Robien L. de. La révolution russe // Le Monde illustré. 28 juin 1919. P. 415–417.
45. Sinanoglou I. La Russie dans la Première guerre mondiale: le témoignage de Pierre Pascal // Cahiers du monde russe et soviétique. 1976. Vol. 17. No. 4. P. 485–493.

Magadeev Iskander Edouardovitch,

PhD (History), Department of European and American Studies, School of International Relations, MGIMO-University, Associate Professor, Moscow.

**THE RUSSIAN REVOLUTION SEEN THROUGH THE LENS
OF THE FRENCH ONE: REVOLUTIONARY CRISIS OF 1917
IN THE ESTIMATES MADE BY THE MILITARY AND DIPLOMATIC
REPRESENTATIVES OF THE THIRD REPUBLIC**

Basing on the French archival and published evidence, this article analyses the impact made on the French perceptions of the revolutionary events in Russia in 1917 by an important analogy between the Russian and the French revolutions. Author demonstrates that the image and history of 1789–1799 was the conceptual lens used by many representatives of the Third Republic to analyse the events of 1917. Such analogy didn't obfuscate the French diplomats and military whose estimates were chiefly governed by the strategic interests of Paris, i.e. to maintain Russia in WWI. Nevertheless, the comparison between the two revolutions helped them to perceive, to analyse and to predict the events which changed quickly. As the attitude to the history of 1789–1799, the Russian revolution accelerated the polarisation of the French observers on the left and right flanks. If the historical analogy was aimed to help to understand the Russian situation in 1917, the specifics of its use during the deepening of the revolutionary crisis, reflected the other aspect, i.e. the ethnocentrism of many French observers. They thought that the Russian revolution “must” follow the path of the French one, while the French “tutors” would help the young Republic to pursue the war and to develop the new, revolutionary patriotism.

Keywords: France, Russian revolution, 1917, image of the Other, historical analogies.